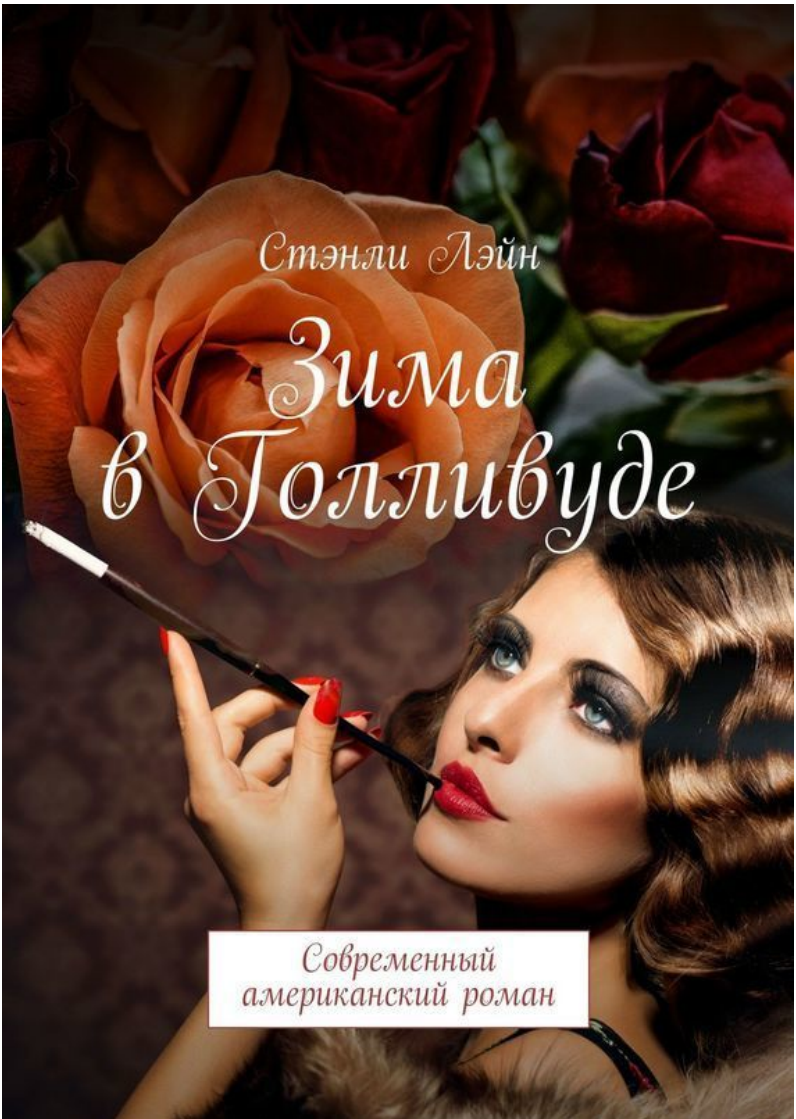

Стэнли Лэйн

Зима в Голливуде

Современный американский роман

Стэнли Лэйн

Зима в Голливуде. Современный американский роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22471674
ISBN 9785448357268

Аннотация

Звезда Голливуда Имельда Лондон проживает свою короткую жизнь в водовороте событий и страстей, снедаемая пагубным пристрастием. Поэтому вокруг ее личной жизни ходит множество слухов и сплетен. Но тот, кто любит, видит ее совсем другой.

Содержание

ГЛАВА 1 5
ГЛАВА 2 26
ГЛАВА 3 53
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Зима в Голливуде
Современный американский роман
Стэнли Лэйн

Посвящается женщине, которую я не знал лично, но к которой время от времени прихожу.

© Стэнли Лэйн, 2017
© Boris Seaweed, перевод, 2017

ISBN 978-5-4483-5726-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Сама мысль о том, что 18-летний сельскохозяйственный рабочий из Канзаса будет под водой прижимать голову солидного взрослого мужчины к выложенным мозаикой ступенькам бассейна в доме восходящей звезды Голливуда, может показаться чем-то взятым из текста дешевого киносценария. Но в один из осенних дней 1938 года это было именно то, что я делал после ряда примечательных событий. Задыхающимся человеком в моих руках был не кто иной, как Микки Маккормик, чье появление в доме послужило причиной, вызвавшей водоворот событий в середине этого времени года. Летняя жара спала, и остававшиеся на деревьях лимоны уже созрели для сбора.

В это время гламурная хозяйка бассейна Имельда Лондон неподвижно сидела в своем шезлонге, скрывая задумчивость затемненными стеклами солнечных очков. Она поднесла недопитую рюмку мартини к рубиновым губам и после долгой затяжки сигаретой отвернулась от сцены борьбы, развернувшейся под водой у ее ног.

– Заткни его, Джорджи! Мама скоро спустится вниз, – несмотря на очевидную драку, сказала она мне так беспечно, как будто я всего лишь нарезал круги в бассейне ее скромного особняка. На деле это просто была манера Мэл так сообщить мне, что пора кончать с этим грязным делом, пока

оно не всплыло наружу.

*****

Впервые я встретился с этой казавшейся пустышкой актрисой, когда со своими золотистыми локонами, почти полностью закрывавшими лицо, она, небрежно управляя авто, ехала вдоль тротуара в одном квартале от студии «Брейвхарт», а я, возвращаясь в свою съемную комнату, сидел на бордюре, курил «Лаки Страйк» и ожидал позднего вечернего автобуса. Внезапно я увидел длинный капот автомобиля со сверкавшей на нем в лунном свете серебристой статуэткой, приближавшийся ко мне со скоростью, которую невозможно было контролировать. Решетчатый радиатор вытолкнул меня на мощеный кирпичом тротуар и отбросил в засохший куст, а переднее колесо остановилось, чуть не раздавив мои вытянутые ноги.

Вскочив с водительского сиденья и обежав спереди свой остановившийся автомобиль, она закричала:

– Я смотрела на вас, а не на дорогу! Мне жаль, но избежать этого было невозможно!

Она присела рядом со мной, и, когда откинула с подбородка свои спутанные волосы, открыв высокую дугу темных бровей и выступающие скулы, я мгновенно узнал ее лицо и удивился орехово-зеленоватому цвету глаз при свете уличного фонаря, тогда как раньше ее изображения на экране убеждали меня в том, что этот цвет был голубым. Она вы-

глядела еще более миниатюрной, чем в кино, по росту не дотягивая до 150 с чем-то сантиметров моей мамы. Ее хрупкое тело было облачено в шелковую сине-белую полосатую пижаму, скрытую под слишком большим по размеру меховым манто, и в пушистые домашние тапочки.

На ее лице было то самое знаменитое обиженное выражение, которое так естественно ей шло, и, благодаря которому, она запомнилась в своих фильмах. С надутыми недовольными губками и торопливым миганием длинных ресниц она ухватилась своими ручонками за мое предплечье и пыталась приподнять меня с кирпичного тротуара, как будто о травме не могло быть и речи.

– Ну, давай же, вставай, пока не собралась толпа! – умоляла она.

Я подался вперед, ощутил острую боль в левом бедре и чуть не обрушил ее на себя в попытке использовать ее руки, чтобы придать устойчивость своему телу. Она смахнула блондинистые пряди с лица и придерживала их сбоку, оглядываясь налево и направо, тогда как с обеих сторон улицы к нам стали стекаться люди. Отклонившись назад, она всем своим небольшим весом изо всех сил тянула меня за предплечье; при этом ее паническое отчаяние и умоляющие глаза служили для меня большей мотивацией, чем физические усилия.

– Скорее, – отчаянно умоляла она, – пока не появились «гробокопатели».

Тогда это слово ничего для меня не значило, но вскоре я узнал, что им обозначалась особая порода людей, которая поражала свои жертвы лампами-вспышками и отравленными перьями. Я был знаком с такими людьми, как потребитель их продукции, поскольку прочитал всю информацию об ее безнравственной жизни вне экрана, напечатанную на страницах «желтых» журналов, грудами лежавших на полу наскоро сколоченных павильонов-коробок, где я ожидал своей очереди на безрезультатные просмотры в качестве дублера для съемок фильмов о Диком Западе. Как 16-летний юнец, несмотря на умение скакать на лошади, я был или слишком молод для ролей вооруженных бандитов, или слишком бледнолиц, чтобы правдоподобно играть индейцев. Поэтому мои возможности ограничивались ролями статистов, создававших фон для сцен драк и вооруженных схваток. Но я хорошо управлялся с лошадьми, потому что был к ним неравнодушен. Мне не нравилось смотреть на то, как этих нежных и благородных существ буквально уничтожали на съемках, как какие-то сорняки. Поэтому меня часто включали в платежные ведомости за то, что я помогал ухаживать и объезжать лошадей, и мог показать наезднику, как сделать так, чтобы лошадь упала правильно, и при этом в максимально возможной степени избежать опасных для жизни животного травм.

Практически все знали Имельду Лондон – даже никому не известный сбежавший из дома 16-летний мальчишка. Она

была королевой экрана. Ее бесчисленные любовные похождения и пьяные оргии служили пищей для легенд, и она в свои 24 года уже заслужила репутацию, столь же заметную, как холмы над Голливудом. На экране она была порочной американской красоткой. Ее романтическое присутствие и проникающий в душу взгляд еще долго жили в сердцах зрителей после окончания фильмов. Уже тогда, когда шесть лет назад ее карьера только начиналась, она становилась центральной фигурой во всех сценах, в которых участвовала, и даже отвлекала внимание зрителей от великих актеров того времени. Говорили, что никто из них не хотел сниматься с нею, потому что им не хотелось попадать в тень, которую она отбрасывала на экран. Несмотря на то, что большинство кинокритиков считало ее стиль игры недостаточно высоким, студиям просто ничего не оставалось, как брать ее на ведущие роли. А сейчас она достигла той точки карьеры, когда фильмы с ее участием автоматически становились средством продвигать ее саму, поскольку голод публики на присутствие ее лица на экране требовал этого. Она была лекарством от недугов во время Великой депрессии, тайным примером для подражания для каждой женщины, и той женщиной, которую каждый мужчина хотел бы видеть рядом с собой.

Она открыла со стороны пассажирского кресла дверь своей машины цвета слоновой кости и затолкала меня вовнутрь, а потом, обежав вокруг, рассеяла стоявшую перед капотом

толпу, размахивая руками и умоляя ангельским голоском:

– Расступитесь, пожалуйста! Мне нужно отвезти этого мальчика в больницу!

Увидев, что это Имельда Лондон, пока она садилась за руль, кто-то свинтил фигурку с капота ее авто. А она, медленно отъезжая от тротуара, потихоньку рассеивала людей на своем пути, но потом, когда стало ясно, что избавилась от зевак, помчалась по улице по направлению к окраине города.

– Давай прокатимся в горы. Пускай все успокоится, – заявила она, как бы убеждая себя в том, что это правильное решение, и кивнула сама себе в знак одобрения, после чего, обернувшись ко мне, спросила: – Тебе очень больно?

– Нет, – ответил я, ощупывая бедро, но при этом скрывая выражение боли на лице. В дни моей жизни на ферме лошади много раз сбрасывали меня, поэтому сейчас, после всего лишь легкого наезда автомобиля, я, конечно, не хотел, чтобы Имельда Лондон видела, как я морщусь от боли. Я сидел вертикально на своем сидении, пытаясь казаться старше, но вскоре понял, что неестественно возвышаюсь над нею, поэтому расслабился, опустился вниз и почувствовал резкую боль в левой ноге, когда машина немного подпрыгнула.

– Тебе больно! – настаивала она, судя по всему, расстроенная такой возможностью.

– Нет, нет, – торопливо ответил я, – все в порядке. Просто езжайте полегче, – и поднял руки перед собой, как будто

прося, снижать скорость перед рытвинами.

Вдруг она неожиданно резко съехала на обочину и, остановив авто, повернулась ко мне, и скомандовала:

– Снимай штаны!

В янтарном свете салона я взглянул на нее и переспросил:

– Что?

– Снимай штаны. Я хочу посмотреть, насколько это серьезно.

– Ну уж нет, я не сделаю этого.

Она завела мотор и, снова выехав на дорогу, развернулась в обратную сторону, воскликнув:

– Не будь таким девственником. Но если не хочешь подчиняться, я отвезу тебя к себе домой, где тебя сможет осмотреть мистер Пэмбли, – она кокетливо взглянула на меня из-за своих золотых локонов и добавила: – Мистер Пэмбли – мой дворецкий, но, знаешь, он побывал на войне и разбирается в таких вещах. Он осмотрит тебя, и тогда мы решим, что с этим делать.

Выражение ее лица напомнило мне эпизод, который я видел в ее фильме «Отчаянный принц», картине со слабым сценарием о юной девушке, которую взял в плен арабский принц. Он влюбляется в нее и в конце концов делает своей женой. В фильме есть сцена, где она прячет за спиной кинжал, который украла из сундука в его комнате. Он прижимает ее к колонне, но она внезапно достает кинжал из-за спины и приставляет лезвие к его горлу. Камера крупным пла-

ном показывает ее лицо, на котором выражение испуга сменяется своего рода злорадным удовлетворением от ощущения того, что его жизнь находится в ее руках. Отразившиеся в этот момент на ее лице ощущение власти и удовольствие от этого были увлекательным и даже эротичным зрелищем.

– В любом случае, как тебя зовут? – спросила она с таким выражением, как это мог бы сделать какой-нибудь мальчишка перед игрой в бейсбол где-нибудь в бруклинских трущобах.

– Джордж… Джордж Уэст.

– Звучит мужественно, – подтвердила она. – Ты мужественный человек, Джордж Уэст?

– Не знаю. Мне нравится работать с лошадьми и, похоже, это имя неплохо подходит для этого…

Я чувствовал, что ей хочется рассмеяться на этот счет, как будто она знала, что часть имени была вымышленной. Конечно, она встречалась с различными именами, которые возникали прямо в зале заседаний совета директоров студии и представляли собой креатив, пытавшийся воплотить в себе то, что человек значил для гигантской машины киноиндустрии. Я уже привык к этому и не считал это обманом, поэтому пояснил:

– Конечно, фамилия Уэст не настоящая. Я думал, что в определенной степени она может помочь мне, и, кроме того, мою настоящую фамилию вряд ли кто-нибудь сумеет произнести правильно.

– Что ж, нам нужно будет об этом подумать, Джорджи, – она замолчала, как будто уже занялась этим.

– Знаешь, я сама изобрела себе имя «Имельда Лондон». Зато как звучит! Я придумала его однажды во время обеда и настояла на его использовании. Оно звучит зрелым и интеллигентным, как тебе кажется? Здесь надо следовать своим инстинктам, Джорджи, как говорят, стоять на своем. Не пытайся угадать, кто и что думает на этот счет, потому что, скорее всего, ошибешься, и тогда, где окажешься? Под их пятой – вот где ты будешь, и так и останешься тем, кем быть не очень хочется. Если же придешь с именем, которое не нравится даже тебе, еще сильнее захочешь сменить его. И тогда они будут знать, что ты у них в руках.

Она посмотрела на меня; мое молчание, казалось, удивило ее, поэтому она спросила:

– Так ты знаешь, кто я? – и приподняла брови с каким то дразнящим удовлетворением. – Они хотели назвать меня «Лорна Джеймс», но я отказалась. Они думали, что это будет звучать как имя живущей по соседству загадочной девушки, той, что тоскует при луне, глядя из своего окна, и мечтает о лучшей жизни. Но я не такая, Джорджи, совсем не такая. Моя жизнь принадлежит мне, Джорджи, хороша она или плоха, и я знаю, что, в конечном счете, оказалась права. Ты согласен?

– Конечно, – ответил я.

Она рассмеялась и воскликнула:

– Ну, во всяком случае, не каждый день какой-то мальчишка едет в машине с самой Имельдой Лондон, – и спросила самоуничижительным тоном, как будто считала, что ее самовозвеличивание было большой шуткой: – Это ты понимаешь?

– Я не мальчишка, – заметил я. – Мне уже несколько месяцев как 16; скоро будет 17. Кроме того, я живу самостоятельно, – и упрямо добавил: – Возраст это всего лишь число, а мужчину делает его характер.

– Ладно, не петушись, Джорджи, – ее лицо смягчилось. Она повернула направо и добавила: – Я ничего не хотела сказать этим. В конце концов, ты выглядишь не менее взрослым, чем некоторые из мужчин, за которых я выходила замуж, – она засмеялась. – В конце концов, кто такой мальчишка? Это молодой мужчина, – и, заметив недовольство на моем лице, продолжила: – Ну и что молодой мужчина делает здесь, когда мог бы бесплатно жить дома, есть горячую пищу и ложиться спать в теплую постель, вместо того, чтобы оказаться под машиной «Кокотки Голливуда»?

Поскольку я ничего не ответил, она несколько раз оглянулась в мою сторону и сама за меня ответила:

– Ах, да, – сказала она сочувствующим тоном, – бежал от неприятностей?

Я опять ничего не ответил, и она подняла брови:

– Проблемы с девушкой?

Я пристально посмотрел на нее, не говоря ни слова, и она,

кивнув, как будто уже сформулировала идею, добавила:

– Тогда проблемы с законом?

Я выглянул в окно, и она, больше ничего не спрашивая, продолжила:

– Знаешь, я убежала из дома, когда мне было 16. – Она обернулась ко мне и заметила мое смущение, когда я вновь взглянул на нее. – Ну да, я знаю, ведь это не то, что ты читал обо мне в газетах? Они писали примерно так: «Мисс Имельда Лондон окончила закрытую элитную школу в Нью-Йорке, где училась классическому актерскому мастерству и балету». – Какая чушь! – Покачав головой, она продолжила: – Мы с тобой слеплены из одного теста и знаем, как здесь устроена жизнь, так? Это может быть нашим маленьким секретом – чем-то таким, что всегда будет между нами. Мы можем и тебе сделать какое-нибудь фантастическое детство: придумать, что-то такое, от чего они обалдеют. И тогда мы посмеемся над ними. Согласен, Джорджи?

– Надо подумать, – ответил я. – Почему нет?

Она проехала еще немножко и, глядя в боковое зеркало, воскликнула:

– Как насчет имени «Джордж Монтэклер»? – она засмеялась и продолжила: – И ты выходец из богатой аристократической семьи из Бельгии. Но отец хотел, чтобы ты управлял имением, а ты всегда хотел стать актером и поэтому убежал от роскоши для того, чтобы попробовать себя в настоящей жизни, приехать в Америку, работать на ранчо на Диком За-

паде и потом на свой страх и риск добыть славу и деньги, попав на большой экран.

– Мне нравится, – согласился я.

Но она продолжала:

– Или, может быть, тебе следует стать «Джорджем Мэнгроувом», театральным актером шекспировского плана с Далекого Юга. И тебя открыл продюсер, который проводил отпуск в Новом Орлеане в речном круизе. Он притащил тебя сюда, чтобы произвести фурор, – заявила она, смеясь над своими словами.

– Это тоже звучит классно, – заметил я, – хотя не уверен, что смогу соответствовать каждому из этих вариантов.

– Все это игра, Джорджи, как на экране, так и за ним. Просто нужно давать людям то, что они хотят. Вот что имеет значение. Не верь всему, что читаешь. Помни, Джорджи, каждому хочется славы.

Теперь она ехала немного медленнее и добавила:

– Нет. Думаю, тебе подойдет что-нибудь попроще. Может быть, мы просто расскажем правду. В конце концов, ее гораздо легче рассказывать и в твоем случае, возможно, интереснее. Мы можем просто сказать: «Джордж Уэст – трудолюбивый молодой человек, на которого наехала «Кокотка Голливуда». – Как говорят, не будешь первым, но не будешь и последним.

Теперь в ее голосе было больше серьезности. Она почти остановила движение и повернула, чтобы въехать в ворота,

открывшиеся, когда машина подъехала к ним. Там за решетчатой стальной оградой стоял скромно выглядевший дом, показавшийся мне построенным из коричневатого кирпича, с двумя фронтонами на каждой стороне фасада и шпилем в середине, как на башенке замка. Она медленно въехала в ворота, где остановила машину на подъездной аллее рядом с еще одним, небольшим строением, и повернулась ко мне в приглушенном свете ламп в салоне, от которого ее лицо казалось затянутым дымкой, как в интимных сценах с ее участием, снятых через туманный фильтр.

Она была восхитительной и теплой, но с дьявольской ухмылкой тихо сказала мне:

– Мистер Пэмбли сейчас, наверное, уже спит. У меня есть флигель у бассейна, в котором ты сможешь переночевать. Утром он придет, посмотрит и, если потребуется тебя зашивать или делать что-нибудь другое, то это организует.

– А где будете вы? – спросил я.

– Мне надо работать. Я должна быть на студии к 7 утра, а на съемочной площадке в 8.30. Мистер Пэмбли позаботится о тебе, а когда вечером я приеду домой, мы сможем поужинать и подумать, что еще сделать в отношении твоего имени.

Она открыла дверь машины, выскользнула наружу и бесшумно ее прикрыла. Потом я послушно шел за ней по дорожке мимо бокового фасада дома. В одном месте, услышав шум приближающегося автомобиля, она обернулась назад,

но когда он проехал мимо ворот, продолжила вести меня к флигелю у бассейна.

Это небольшое строение напоминало сказочный домик с круто уходящей вверх двухскатной крышей, но низким потолком в комнате внутри, которая казалась просторной для нее, но у меня вызывала ощущение, заставившее нагнуться перед входом, хотя пространства над головой вполне хватало.

Она удивленно посмотрела на меня, не понимая, почему я ссутулился как обезьяна, и спросила:

– Спина болит? – и одну свою нежную руку положила мне на плечо, а другой крепко нажала пониже спины, чтобы меня выпрямить: – Теперь лучше?

Я кивнул в темноте, а она дотянулась до маленького столика возле двери и включила лампу.

– Не волнуйся в отношении мистера Пэмбли – он на нашей стороне.

Комната была небольшой, но такой чистой и ухоженной, как будто ею никогда не пользовались или, наоборот, пользовались так часто, что убирали постоянно. Она подошла к небольшой дверце, и, открыв ее, вытащила свернутые постельные принадлежности, а потом подошла к низкой кушетке рядом с эркером и, сбросив манто с плеч на пол, стала стелить постель, подтыкая простыни под матрас. Я заметил, что она выглядела так, как будто нуждалась в усиленном питании. Казалось, пижама болтается на ней, что подчеркива-

ли полосы, которые как бы стремились сделать ее выше.

Закончив стелить, она повернулась и, сев, пару раз подпрыгнула на импровизированный постели, похоже, пытаясь сделать ее мягче и убедиться в том, что простыни не выбиваются из-под матраса. Потом она встала и подошла к небольшому шкафчику, открыв который, достала бутылку виски и две небольшие рюмки. Одну из них она поднесла к губам, повертела ее, оценивая мои пропорции, а потом спросила:

– Хочешь выпить, Джорджи?

– Думаю, да, – ответил я.

Она засмеялась и сказала:

– Мне тоже хочется, чтобы ты выпил. Тогда у тебя на груди вырастут волосы.

Я почувствовал себя ребенком, когда она сказала это. Но она не хотела меня обидеть – просто обозначила свое понимание того, что я непьющий. Она налила неполную рюмку и, протянув ее мне, сказала:

– Выпей до дна, Джорджи. Просто улыбнись – и вперед!

Я сделал так, как она меня учила, и точно так же, как от боли в бедре, спрятал гримасу, а она посмотрела на мое покрасневшее лицо, произнесла с французским акцентом «Кураж!» и залпом выпила свою налитую доверху рюмку. Потом она налила нам обоим еще по одной, но на этот раз выпила не сразу, а, прислонившись к стене, сказала:

– Знаешь, моя мама не разговаривала со мной целых два года после того, как я убежала? А твоя мама с тобой разго-

варивает?

Я пожал плечами, но она нахмурилась и спросила:

– Ты хоть сообщил матери, где находишься?! Ты не можешь оставлять ее в неведении…

– Я писал ей. Она знает.

– Сначала я тоже писала маме, – продолжила Имельда, – но она мне не отвечала, пока не прошло два года. А когда вышла моя первая картина, тогда… – она выпила залпом, провела языком по краю рюмки и добавила: – Не хочу делать из этого драму. Конечно, тогда это меня беспокоило. Если подумать, ей было удобней простить меня, когда я достигла известности. Это давало ей определенные преимущества. Уверена, что ей было стыдно признаться в том, что дочь сбежала. Это могло сказать всем, и знакомым, и незнакомым, что она плохая мать, и напоминало провал, даже тем, кто знал, что это не так. А потом еще разбитое сердце оттого, что дочь убежала, и беспокойство о том, что с ней может случиться. Бессонные ночи, которые я ей обеспечила, годы жизни, которые отняла у нее… Я ждала любых признаков прощения. Для меня этого было достаточно, и я понимала, почему она медлит с ответом. Потом вдруг все стало нормальным для нее – потому что результат оправдывает средства. Так? Она даже верит всему, что обо мне рассказывают, в то, что придумали о моем воспитании, когда школьный драмкружок превратился в «классическое актерское мастерство», наше грязное и маленькое съемное жилье в фабричном го-

родке – в Нью-Йорк и все, что с ним связывают. Но это нормально – по крайней мере, это то, что я могу ей дать. Я поддерживаю эту игру ради нее, потому что должна ей, по меньшей мере, это.

Она хотела налить мне еще одну рюмку, но я отказался, а она пожала плечами и налила себе, сказав:

– Я выпью твою порцию, раз ты собираешься оставаться таким девственником в этом отношении, – и проглотила ее, на этот раз остановившись в процессе и спросив: – А как насчет тебя, Джорджи? Ты когда-нибудь думал о возвращении домой?

Я не был уверен, что мне следует говорить это, но виски добавило мне храбрости, которой она добивалась, и я все-таки сказал:

– Я никогда не смогу вернуться домой, Имельда.

– Друзья зовут меня Мэл. Почему нет, Джорджи? Ты сделал что-то очень плохое?

– Плохое для Канзаса, – ответил я.

Она допила свою рюмку и добавила:

– Ты нравишься мне все больше и больше. – Потом взяла бутылку и рюмки, поставила их назад в шкафчик, но прежде, чем закрыть его, спросила: – Где я оставила свое манто? Найди мне его, Джорджи.

Я поднял манто с пола и, подойдя к ней, накинул на плечи, а она повернулась ко мне и сказала:

– Я ужасно виновата, что наехала на тебя. Но странным

образом, я даже рада, потому что, думаю, мы с тобой станем хорошими друзьями, Джорджи, и нам будет хорошо вместе.

– Я тоже так думаю, – ответил я, а она открыла дверь и вышла наружу.

Я видел, как живо, но спокойно она идет к входу в особняк по той самой дорожке, по которой мы шли раньше. Я взглянул на бассейн, на темную воду, колышущуюся от легкого бриза. На гладких участках поверхности отражались свет луны и звезды над головой. Я поискал выключатель и нашел его на столбе около дорожки. Щелкнув, я увидел дно бассейна, начинавшееся у ступенек, и выложенное на нем черной плиткой мозаичное изображение Посейдона.

Выключив свет, я снова подошел к флигелю, достал сигарету и закурил, стоя рядом с темным бассейном, а потом увидел, как в окне на верхнем этаже дома зажегся свет, и ее силуэт, приблизившийся к окну за шторами и заслонявший свет изнутри. Я пошел к дальней стороне бассейна и увидел обрамлявшие лужайку лимонные деревья с короткими цветочными клумбами между ними и открытым пространством, в центре которого, похоже, готовились поставить тент, поскольку из земли торчали стойки и рядом лежали рулоны белого полотна, которые оставалось натянуть.

Я знал, что утром мне нужно будет уйти еще до того, как проснется загадочный мистер Пэмбли. Я должен был вернуться на студию, чтобы первым делом вычистить стойла и накормить лошадей до съемок ранней утренней сцены:

марша через Атланту во время Гражданской войны. Участвовавший в этой сцене хамоватый актер, игравший роль какого-то генерала, не хотел принимать даже намеки моих советов, так как считал меня просто конюхом. Мне не нравилось, как он обращался со своей лошадью и постоянно вдавливал каблуки сапог в ее бока, так что у животного оставались синяки и потертости. Я прекратил ругаться с этим человеком, когда он однажды, использовав всю мощь глотки, попытался удалить меня из своего поля зрения. Поэтому по утрам я просто начал класть навоз в его сапоги, если видел, что он вонзал свои каблуки в живот лошади за день до этого. Несмотря на его жалобы режиссеру, мое сообщение дошло до него, и он прекратил делать это.

Выкурив последнюю сигарету, я вернулся в коттедж, лег в постель, которая оказалась мягче, чем я предполагал. Правда утром у меня болела вся левая часть тела, и я обнаружил огромный синяк на поясе чуть выше бедер. Но с такими вещами я уже встречался, когда дома работал на ферме.

*****

Я был уверен, что встал даже раньше Мэл, но когда подошел по дорожке к входным воротам, они уже были открыты. Выйдя на улицу, я двинулся в сторону студии, чтобы по пути успеть на утренний автобус. Колено сгибалось с трудом, лодыжка болела, и меня не радовала мысль о предстоящем трудовом дне, который следовало пережить. Но когда я ока-

зался у ворот студии, пройти в конюшню мне запретили.

Мистер Скотт на своем посту сказал:

– Нет, сынок. Нам сегодня позвонили рано утром. Тебя переводят в сценарный отдел. Ты будешь работать с актерами, репетировать с ними роли, принимать корректуру и относить ее сценаристам.

– Непонятно, – среагировал я.

Но мистер Скотт, улыбнувшись во все свое широкое лицо, повторил:

– Тебя повысили сынок, теперь ты в штате. Босс позвонил мне прямо из постели, а он получил звонок непосредственно от секретаря мистера Брейвхарта с точным указанием перевести тебя в сценарный отдел.

Я сел на бордюр рядом со студией, озадаченный такой переменой в судьбе. Но даже такому тупице, как я, было ясно, что в этом деле замешана Мэл, которая использовала свой авторитет, как кинжал в фильме «Отчаянный принц». Ее мотивация все еще была мне непонятна. Возможно, отчасти это было желание загладить все еще остававшееся чувство вины за происшедшее. Но я предчувствовал, что, независимо от причины, благодаря ей, двери возможностей хоть на какое-то время будут открыты для меня – по крайней мере, до тех пор, пока я буду оставаться у нее в фаворе. Что касается настоящих дверей студии, то они должны были открыться для меня не раньше, чем через час. Поэтому я сидел на другой стороне улицы, покуривал свой «Лаки Страйк» и наблю-

дал за тем, как начинался новый день.

ГЛАВА 2

Когда мистер Пэмбли положил свои большие холодные руки на мой бок, я вздрогнул как от удара электрическим током. Но он отреагировал спокойно:

– Ладно, ладно, мастер (*форма обращения к хозяину – BS*) Уэст, успокойтесь. Сильно болело, когда я нажимал вам на ребра?

– Нет. Но у вас руки холодные, как лед, – со злостью воскликнул я, держа подол своей рубашки выше живота, тогда как он, продолжая обследовать меня, осторожно ощупывал мой торс. Мэл сидела в гостиной рядом с нами, покуривая сигарету и потягивая джин с тоником, который мистер Пэмбли налил ей как раз перед тем, как начать осмотр. Она улыбалась мне и при этом выглядела так же, как всегда, элегантно в своем сиреневом вечернем платье, сидя со скрещенными ногами, верхней из которых она отбивала какой-то ритм, наблюдая за тем, как мистер Пэмбли водит по мне руками и озабоченно бормочет, что начинало меня беспокоить.

– Все в порядке, мастер Уэст, – сказал этот высокий человек с каменным, как будто высеченным из гранита лицом под плотно зачесанными назад волосами; как-то нелепо выглядевший стоячий воротник манишки торчал из-под его фрака с раздвоенными фалдами сзади. – Давайте опустим трусы и взглянем, что там.

– Только когда ее не будет в комнате, – запротестовал я, указывая на Мэл, расположившуюся в своем фигурном, обитом синим бархатом кресле. Сам я сидел на высоком барном стуле, который она протащила по покрытому ковром полу перед началом осмотра. Комната была богатой, но уютной, украшенной тиснеными цветными обоями и разбросанными повсюду восточными ковриками. В углу стояла большая мягкая оттоманка, а высокий камин с мраморной отделкой, который, очевидно, никогда не растапливали, разместился в середине дальней стены.

– Не будь таким девственником, Джорджи, – заметила Мэл, но, увидев выражение упрямства на моем лице, сдалась и, затянувшись сигаретой, сказала: – Хорошо, бэби. Я закрою глаза – этого достаточно?

– Думаю, да – ответил я, а она слегка повернулась в своем кресле и, покуривая сигарету, как шторкой прикрыла лицо ладонью.

Я соскользнул со стула, расстегнул ремень и нервно опустил брюки до колен, тогда как мистер Пэмбли продолжил свое дело. Но прежде, чем он прикоснулся ко мне, я задержал его руки и заявил:

– Полегче со своими руками, мистер.

Он нагнулся, взглянул на меня поверх своих маленьких круглых очков и с дьявольской ухмылкой сказал:

– Слушаюсь, мастер Уэст.

Полный нехороших предчувствий, я убрал руку, чтобы он

смог закончить осмотр.

– Скажите, старина, – начал я. – Это она дала вам это имя, «мистер Пэмбли», или вас всегда так звали?

– С тех пор, как я себя помню, меня звали именно так, – ответил он, не отвлекаясь.

Но тут в разговор вмешалась Мэл:

– Джорджи, мистер Пэмбли – единственное настоящее из всего, что есть в этой комнате.

На столике рядом с ней стояла красивая лампа с двумя белыми фарфоровыми цаплями внизу, такими же чистыми и гладкими, как кожа Мэл. Абажур лампы был изготовлен из зеленого стекла в форме листьев пальмы. Обратившись ко мне, Мэл слегка повернула голову и исподтишка подглядывала из-за своей руки. Я тут же указал ей на это пальцем, и она быстро вернула лицо на свое место позади ладони.

– В любом случае, я не верю этому, – заметил я.

– Ты о Пэмбли? – она казалась сконфуженной.

– О том, что здесь больше нет ничего настоящего…

– Ну, это только твой второй вечер здесь, – прервала она, – так что ты скоро все узнаешь.

Мистер Пэмбли выпрямился, а я, подтягивая брюки, спросил:

– И каков ваш вердикт, доктор?

– Ушиб… синяки… ничего серьезного. Ничего такого, с чем нельзя справиться с помощью льда.

– Так что счет будет небольшим? – я рассмеялся. – Кстати,

что делает вас таким экспертом? Где, вы говорите, получили свой диплом?

Он улыбнулся, поправил мне воротник и ответил:

– Полагаю, мисс Лондон уже сказала вам, что я был на войне.

Я кивнул и, пытаясь симулировать подозрение, ответил:

– Да, что-то такое она говорила.

– Так вот, в окопах приходится делать все, что можешь, – объяснял он. – Медиков на поле боя не так много, а поскольку у меня большие руки, и там я был старше большинства мальчишек, они считали меня авторитетом в том, что касалось боевых ранений. Поэтому в случае необходимости я делал все, что мог, и иногда у меня получалось.

– Он просто скромничает, – заметила Мэл, открыв лицо и закуривая другую сигарету. – Я знаю некоторых из его старых фронтовых друзей: они приходили сюда за автографом от настоящей живой кинозвезды и всегда рассказывали одну-две истории о том времени, когда Фрэнк был на войне, и о жизнях, которые он спас. Ты знаешь, что у Фрэнка есть награды?

– Ну, если вы так говорите, – он скромно улыбнулся и слегка поклонился.

А она встала с кресла и заявила:

– Мистер Пэмбли, я беру машину и отправляюсь на ужин в Romano's (*ресторан – BS*) вместе с Джорджи. – Она взглянула на меня и добавила: – У них посреди внутреннего дво-

рика с заросшими плющом стенами, есть прекрасный фонтан, и он такой шумный, что с трудом можно слышать собственный голос, что предоставляет определенные преимущества в зависимости от того, с кем разговариваешь. Нам, я думаю, подойдет хороший столик в тихом уголке.

Мистер Пембли улыбнулся, а потом повернулся к Мэл и спросил:

– Мастер Уэст вернется во флигель у бассейна сегодня вечером?

Мэл вопросительно посмотрела на меня, но поскольку я промолчал, ответила сама:

– Конечно, вернется.

Пэмбли сначала посмотрел на нее поверх своих очков, потом – на пустую рюмку на столе и спросил:

– Вы полагаете это хорошая идея, мисс Лондон? Не забудьте, что завтра у вас посещение больницы.

Она резко ответила:

– Не будьте таким букой, Фрэнк. – А затем, смягчившись и увидев на его морщинистом лице отеческую заботу, пояснила: – За ужином я не выпью ни капли, и, кроме того, сегодня Джорджи не будет сидеть на бордюре, так что отвлекать меня будет некому, – она рассмеялась, а он, вежливо улыбнувшись, но все-таки не удовлетворившись ответом, вышел из комнаты.

Мэл, усмехаясь, прошествовала передо мной и добавила:

– По дороге домой мы сможем заскочить в твое прежнее

место, чтобы ты мог забрать свои вещи.

*****

По пути в Лос-Анджелес я заметил, как сильно приходилось Мэл наклоняться вперед на своем сиденье, чтобы видеть пространство перед капотом.

– Фигурка на капоте… – вспомнил я.

– Да, эта третья, которую я заменила. У меня их целая коробка в гараже. Когда они мне надоедают, один мой знакомый из Сакраменто время от времени, шутя, присылает мне другие, но у меня их гораздо больше, чем может понадобиться, поэтому мне нравится, когда кто-нибудь берет их в качестве сувенира.

Я улыбнулся, покачал головой и задал личный вопрос:

– Почему вчера вечером ты ехала в пижаме?

Она подняла подбородок и объяснила:

– Иногда я не могу спать, и поток ночного воздуха между окнами в машине освежает меня и придает ощущение свободы. Я не знаю, куда еду и где закончу. Взгляни на нас! До вчерашнего вечера мы даже не были знакомы, а теперь…

– Это так, – подтвердил я.

Она обернулась и улыбнулась мне.

– Спасибо, Мэл, за то, что ты сделала для того, чтобы меня приняли в штат студии…

Она хихикнула и, останавливая меня, подняла руку:

– Ерунда, ничего кроме одного телефонного звонка другу.

Уверена, что ты сделал бы для меня то же самое.

Окна в машине были чуть-чуть приоткрыты, и воздух внутри был чист и свеж, но у меня в ноздрях стоял аромат ее парфюма. Как зачарованный смотрел я на приборную панель с появляющимися в свете фар других автомобилей отблесками от ее раскачивающихся сережек из платины с алмазами. К ее плавно очерченной груди плотно прилегало дорогое ожерелье. Когда мы подъехали к ресторану, она посмотрелась в зеркало, чтобы проверить свой макияж, но он, конечно, был безупречен: глаза были подведены черным карандашом, а ресницы – густыми и длинными. Светлая пудра на ее лице скрывала оттенок загара, а прекрасно скроенное вечернее платье по размеру могло подойти большому ребенку.

Она посмотрела на меня и сказала:

– Здесь тебя немного попытают, Джорджи, и, возможно, зададут несколько вопросов, на которые тебе будет трудно ответить. Тогда просто улыбайся и делай вид, что в этой толпе их просто не расслышал. Приложи палец к уху сзади и нажми вперед, примерно так, – и она показала, как нужно сделать. Потом она облизала кончики пальцев и, склонившись ко мне, поправила челку у меня на лбу. – Но никогда, никогда, – добавила она, – не называй им свой настоящий возраст. Всегда говори, что тебе 18, по крайней мере, до тех пор, пока тебе 18 не исполнится. Теперь ты в штате киностудии, а она никогда тебя не выдаст. Понимаешь?

Я кивнул знак согласия, а Мэл указала на мою дверь и ска-

зала:

– Выходим с твоей стороны.

Перед рестораном мы выбрались из машины в потоке вспышек и голосов, раздававшихся за шнурами, ограждавшими ковровую дорожку черного цвета.

– Имельда! Имельда!

На полпути к дверям Мэл остановилась и повернулась к толпе. Одной рукой она обхватила меня изнутри за локоть, а в другой держала украшенную алмазами вечернюю сумочку. В какой-то момент она позволила нас сфотографировать. Потом из толпы раздался голос:

– Когда ваш новый фильм появится в кинотеатрах?

Удивив меня своим сильным голосом, казалось, не соответствовавшим ее хрупкому телосложению, она ответила:

– Как только мы закончим его снимать, – после чего в толпе раздался громкий хохот.

Но вот кто-то другой спросил:

– Кто этот новый мужчина, который вас сопровождает?

Я взглянул в ее лицо, которое она держала высоко поднятым, как бы улавливая свет над нашими головами. Сверкая в ярком свете, она выглядела великолепно, почти такой же, как на большом экране, а не такой, как я привык ее видеть в теплом янтарном полумраке салона автомобиля.

Улыбаясь, она ответила:

– Его зовут Джордж Уэст, и он помогает мне с моими лучшими репликами.

Она приподняла свою сумочку и прикрыла ею глаза от света над нами. В этом не было особой необходимости, но создавало эффект присутствия в настоящем театре, потому что именно так ожидаешь увидеть настоящую актрису, когда она смотрит на публику, стоя посредине сцены. Потом, отпустив мою руку, она подошла к шнурам ограждения, где люди протягивали ей на подпись небольшие листочки бумаги. Она терпеливо подписывала каждую из них, отвечая на вопросы более задушевным голосом, с которым я теперь был знаком, но который не мог расслышать из-за шума толпы. Некоторые люди тянулись, чтобы дотронуться до ее руки или пощупать ткань платья, которое облегало ее так плотно, что не позвало ухватиться за него. Некоторые разглядывали ее тело, как это мог бы делать врач во время осмотра, и удивлялись тому, что она такая миниатюрная, а вовсе не такая крупная, какой благодаря ракурсу камеры выглядела на большом экране. Им хотелось, чтобы она была такой же, как в кино, и, похоже, некоторых разочаровывало то, что они видели перед собой просто человека. Но это было уже больше того, что она могла для них сделать. Здесь – не перед камерой – все, что она могла дать им, были ее личность и манера держаться. И эти вещи заставляли ее казаться неуязвимой, потому что в их сознании «она видела и делала все», о чем они читали в желтой прессе. Люди действительно верили в то, что она делает такие вещи, о которых они могли только мечтать, и которые были запретны для них, по-

тому что они сами были или слишком трусливы, или слишком высокоморальны. И вот здесь она была живым свидетельством того, что все можно делать и продолжать жить, чтобы об этом рассказывать, и что можно вести жизнь, полную дебошей и даже измен, и при этом сверкать, как сверкает полированная фигурка на капоте автомобиля, проехавшего по долгой пыльной дороге.

Она отошла от толпы и вернулась ко мне, когда невысокой человек в красной униформе у дверей спустился к нам по ступеням и, подав знак руками, пригласил пройти вовнутрь. Когда мы подошли к дверям, Мэл оглянулась, чтобы указать мне на красивую машину, которая только что подъехала к тротуару. Из нее вышли знаменитый актер с женой, и толпа тут же переместилась к ним.

– Посмотри, Джордж, – сказала Мэл, – они уже забыли обо мне. Нужно брать все возможное от тех моментов, когда они вокруг тебя, потому что в мгновение ока можно потерять все.

В ресторане нас хотели посадить за обычный столик Мэл у фонтана, но она настояла на месте в менее заметной части зала, помахав рукой метрдотелю Раулю и сказав:

– Нет, найдите мне что-нибудь другое.

Тот кивнул и проводил нас вглубь помещения, где узкая красная штора частично закрывала наш столик. Romano's представлял собой стилизованное под итальянский трактир заведение с выложенными кирпичом стенами, извест-

ное обедами в семейном стиле и знаменитыми посетителями. Если вы не относились к числу персон из списка «А», заполучить здесь столик было весьма проблематично. Но изредка такое случалось, и посетители ожидали снаружи, иногда весь вечер, чтобы поглазеть на звезд и, может быть, попасть внутрь.

Не успели мы устроиться за своим столиком, как к нам подошла пожилая пара, и дама спросила:

– Извините, пожалуйста, вы Имельда Лондон?

– Извините за то, что порчу вам вечер, но это именно я, – ответила Мэл.

Супруги улыбнулись друг другу, и дама протянула небольшой листочек бумаги. Не успела она сделать это, как подошел наш официант Реми, с откупоренной бутылкой белого вина и начал их оттеснять. Но Мэл протянула руку, взяла листок из рук дамы и спросила:

– Как вас зовут?

– Труди Уильямс, – ответила та и добавила: – На этой неделе у нас юбилей, 35 лет супружеской жизни, и мы смотрели каждый из ваших фильмов. Наши родные собрали деньги, чтобы мы могли провести ночь в Royale и поужинать в Romano's. Но мы не надеялись на то, что увидим здесь хоть какую-нибудь кинозвезду, и даже не мечтали о встрече с вами.

– Это так мило, – сказала Мэл и добавила: – 35 лет вместе звучит еще более невероятно. И знаете, что я вам скажу?

Конечно, я дам вам автограф, но только, если вы подпишете это для меня. – Она поднесла листок к груди и выпрямилась на своем стуле, как будто собираясь сделать заявление: – Теперь, если кто-нибудь скажет мне, что настоящая любовь осталась в прошлом, я смогу показать им ваши имена и сказать: «Я знаю супругов Уильямс, которые прожили вместе, по меньшей мере, 35 лет, поэтому не говорите мне, что любовь больше не существует».

Взяв у женщины ручку и меню со стола, Мэл начала подписывать его спереди, спросив у мужчины:

– Как вас зовут, сэр?

Он улыбнулся и ответил:

– Джордж.

Мэл взглянула на меня через столик, улыбнулась одними губами и написала: «Моим хорошим друзьям Джорджу и Труде Уильямс. Поздравляю с 35-летним юбилеем супружества и желаю счастливого продолжения. Имельда Лондон».

Потом она протянула им листок, который взяла у женщины, и попросила их написать на нем свои имена.

Когда они сделали это, она забрала у них листок, сложила его, положила в свою сумочку и отдала им меню. Они поблагодарили ее, но тут подошел Реми и попросил их вернуться к своему столику, чтобы он мог обслужить мисс Лондон.

– Да-да, конечно, – сказала Труди и, добавив, – спасибо и до свидания, мисс Лондон, – она кивнула и мне.

– До свидания, Труди, – ответила Мэл. Как только супруги отошли, она шепнула Реми:

– Запишите их счет на меня, а также попросите Рауля позвонить в Royale и перевести их в самый лучший номер, а мне прислать счет за все их там пребывание.

– Да, мисс Лондон, – ответил Реми и налил ей и мне по рюмке вина. Но прежде, чем он отошел, Мэл добавила: – Реми, сегодня я хочу шампанского. Я чувствую себя так, как будто отмечаю новую дружбу.

– Да, мисс Лондон. А это забрать? – спросил он, начиная вновь закупоривать бутылку.

– Нет, это просто оставьте на тот случай, если у нас пересохнет в горле, – распорядилась она.

Реми засмеялся:

– Да, мисс Лондон.

Она достала сигарету из своей сумочки, а я полез в карман за спичками, чтобы дать ей прикурить, потом взял одну для себя из серебряного портсигара, который она мне протянула.

– Очень щедрый подарок ты им сделала, Мэл. Никогда не думал, что ты можешь вести себя так просто.

Она сидела, облокотившись о столик и положив подбородок на ладони.

– Просто я рисуюсь перед тобой, – сказала она. – Мне хочется, чтобы ты считал меня хорошим человеком. В противном случае наша дружба вряд сможет продлиться долго, потому что я не думаю, что ты хорошо относишься к плохим

людям.

– Почему ты так считаешь? – заинтригованный спросил я.

– Когда ты работал в конюшне… Я немного слышала о том подарке, который ты оставил в сапогах Себастьяна Бенуа. Я также слышала, почему ты это сделал. Это и заставляет меня думать, что ты не очень любишь таких жестоких людей.

– Но он был один такой, встретившийся мне на студии «Брейвхарт».

– Скажи мне, Джорджи, почему ты называешь «Брейвхарт Пикчерс» студией «Брейвхарт»?

Я задержался с ответом, не зная, как объяснить сразу.

– Точно сказать не могу, но, может быть, говоря так, я думаю об этом месте, обо всех людях, участвующих в создании картины… Слово «картина» для меня означает сюжет и художника, актеров и режиссера. Но очень мало говорит обо всем остальном в ней.

– Да. Но, пожалуйста, никогда не позволяй мистеру Брейвхарту поймать тебя на этом названии.

– Мэл, – я старался быть не очень навязчивым, – ты не работаешь на мистера Брейвхарта, и на самом деле ты работаешь в другой студии. Как все-таки тебе удалось добыть там для меня место?

Она улыбнулась. Потом, потягивая свое вино в ожидании шампанского, ответила:

– В этом бизнесе каждый всегда находится в ожидании

своего часа в надежде, что, наконец выпадет твой номер, и ты сможешь вступить на борт корабля удачи, поэтому сжигание мостов за собой не приветствуется. Чем больше у тебя друзей, тем лучше. Неважно, на какой студии ты работаешь, поэтому все стараются ладить друг с другом, если существует потенциальная польза от этого. Я полагаю, что старый Брейвхарт надеется, что когда-нибудь выпадет и мой номер, и я смогу прийти работать на него. На его студии полно актеров и актрис, готовых поступить так же.

Я задумался об этом, потягивая свое вино, но оно оказалось не таким сладким, как я ожидал. Моя гримаса заставила Мэл рассмеяться.

– Ты еще такой ужасный девственник, Джорджи, – заметила она и засмеялась еще громче.

Пришел Реми с бутылкой шампанского и налил нам щедрые порции. Как только он отошел от столика, Мэл подняла свой фужер и подождала, когда я подниму свой. Мы чокнулись. Любопытные глаза смотрели на нас изо всех концов зала, и она прошептала:

– Мы дали повод для сплетен, Джорджи. Теперь мельница сплетен завертится в полную силу, и к утру, похоже, появятся сообщения о том, что мы обручены и собираемся провести медовый месяц на Ривьере.

Я улыбнулся и обвел глазами зал. Он был полон лиц, знакомых мне по киноэкрану в моем родном городке Уэллоу в Канзасе, куда раз в месяц примерно через год после пре-

мьеры привозили и показывали новые фильмы. Крыша старого кинотеатра протекала над серединой зала. Все местные об этом знали, и старались там не садиться. Но некоторые не подозревавшие об этом парочки, приезжавшие из округи, опрометчиво садились в центре зала. Садились там и молодые люди с девушками, не хотевшими, чтобы над ними смеялись за то, что они занимают места с краю якобы для того, чтобы «пообжиматься». Поэтому, случалось, что их первые любовные свидания были испорчены внезапно налетавшими с равнины ливнями.

Ну вот я, сельский парень из Канзаса, потягивая шампанское, сижу здесь за одним столиком с настоящей богиней экрана Имельдой Лондон. Вижу вокруг завистливые лица знаменитых голливудских актеров, которые на экране и вне его ухаживали за некоторыми из самых знаменитых актрис. Было бы глупо считать, что все это из-за того, что она наехала на меня и продолжает чувствовать свою вину, и, может быть, слегка напугана. Но что было самым поразительным для меня в отношении Мэл, так это то, что на деле она не так уж отличалась от любой из других девушек, которых я знал. Она не была каким-нибудь стоявшим на полке хрупким украшением, как этого можно было ожидать. В глубине ее души жили сила и независимость. И хотя ей не приходилось скирдовать сено и доить коров, у нее были свои проблемы, которые нужно было решать, и раны, которые нужно было залечивать. И все же она была хороша, как свежий весенний

дождь, и я начинал опасаться, что этот миг может промелькнуть, и в мгновение ока я могу упустить свой шанс.

Меня больше не поражала ее звездность: я был просто ошеломлен ею самой, и мог ощущать ее присутствие в себе, ощущать ток ее жизни, и во многом я понимал ее. Сейчас, сидя и глядя на нее, я осознавал, что она смотрит на меня, и задавался вопросом, что заставило ее подружиться со мной. Конечно, ее ответственность была уже далеко позади, и я даже не думал, что она чувствовала вину за то, что случилось на улице вчера. Но каким-то образом я ощущал, что сейчас ей нравилось, что ее дружба со мной, дружба 24-летней женщины с 16-летним юнцом, была чем-то на грани закона, чем-то таким, чего она не испытывала раньше. Она сама сказала, что я казался старше, чем некоторые из ее мужьев, среди которых было только двое, о ком я что-то слышал; и ни один из ее браков не длился больше года. А поскольку я вырос на ферме, то, возможно, был сильнее и крепче, более развит физически, чем ребята моего возраста, и, если бы не моя наивность, то легко мог сойти и за 18-летнего, и даже за 20-летнего парня. Но я не был уверен в том, что это была истинная причина.

Правдой, которую я боялся признать, было то, что причиной ее привязанности ко мне, а под привязанностью я понимал чисто дружеские отношения, заключалась в том, что она просто жалела меня, жалела так, как жалеют бродячую собаку. Но я не искал ее сочувствия. Я жил достаточно са-

мостоятельно. Конечно, моя комната в пансионе миссис Кастелло была скромной, но все-таки это была моя комната. Я питался два раза в день, и каждое утро у меня была чистая рубашка. Никто мне этого не дарил. Я начинал сам и, начиная, не знал, как дела обернутся для меня – с помощью или без помощи Мэл. Мне нечего было стыдиться за все то, что я делал до того, как она помогла мне попасть в штат студии, и я знал, что мне нечего будет стыдиться, если мне захочется уйти из нее. Но если бы я знал, что причиной ее привязанности служит жалость, это бы до глубины души потрясло меня, и не потому, что я перестал бы верить в себя, а потому, что стал бы по-другому относиться к ней. Я не бегал за автографами; я просто хотел быть ее другом.

– Проснись, Джорджи. Я тебе вопрос задала, – сказала она, слегка пнув меня под столом в голень заостренным носком туфли.

– Извини, задумался. Так ты спрашивала?..

Она улыбнулась, потому что знала, что я не слышал ни одного ее слова, а я начал подозревать, что она ничего и не говорила. Но она продолжала так, как будто что-то уже сказала:

– Как насчет спагетти и фрикаделек или это слишком простая еда для одного из членов семейства Уэст из Канзаса?

– Конечно, слишком простая, – запротестовал я насмешливо. – Я ожидал устриц и фуа-гра!

– Не верю ни секунды, Джорджи, – сказала она, привлекла внимание Реми и сделала волнообразное движение пальцем,

использовав, насколько я понял, свое универсальное обозначение спагетти.

Когда на столе появилась еда, мне нравилось наблюдать, как она, оставляя следы на губах, втягивает нитки спагетти одну за другой – чем больше шампанского она пила, тем медленней втягивала их в рот – и тихо хихикала после каждой нитки. А когда с шампанским было покончено, она продолжила пить белое вино, заметив:

– Утром голова будет просто раскалываться. Но иногда ради пары приятных вещей небольшую боль стоит потерпеть.

Неожиданно она прекратила есть и, оттолкнув тарелку, закурила, но я продолжил и между глотками спросил:

– Мэл, можно я задам тебе личный вопрос?

– Конечно, Джорджи. Друзья могут спрашивать меня о чем угодно и иногда даже могут получить честный ответ.

Я прочистил горло и спросил:

– Строго говоря, из того, что я читал в «желтой» прессе, я знаю, что ты выходила замуж дважды?

– Три раза, – ответила она, – но разводилась только дважды.

– Тогда ты все еще замужем? – упав духом, спросил я.

– Нет. Один из браков был расторгнут в тот же день, так что не думаю, что его следует считать.

Я рассмеялся, но она продолжила:

– Два брака были попытками, организованными студией. Я была молода и еще не достигла успеха, так что очень спе-

шила. У меня были маленькие достижения: одно из них – изобретение собственного имени, также некоторая гибкость в костюмах и сценариях. Эти небольшие вещи, возможно, мало что значили для студии. В первый раз я вышла замуж, когда мне было всего 19. Ты, конечно, читал об этом человеке. Вообще-то, женщины ему были не нужны. Меня это вполне устраивало, поскольку я не собиралась сделать этот брак настоящим. Я переехала в его дом. Он держал странных экзотических животных, таких как тарантул, змея – я даже боялась открывать ящики комода или шкафы, не зная, что там обнаружу. Еще до свадьбы мы договорились, что у нас будут отдельные комнаты, и сразу после нее хотели разъехаться, но потом поговорили и решили подождать год, а потом развестись. Я выехала из его дома ровно через год, в тот самый день, как мы поженились. Тогда мы снимали картину, которая не вышла на экраны, так что все совпало, и, в действительности, продолжать игру не было смысла. Поэтому мы радостно назвали это «мы квиты»; он вернулся к своей жизни, а я осталась в своей. Мой второй брак состоялся годом позже, думаю, когда мне было лет 20 – точно не помню. Он подавал надежды, и еще важно было то, что он нравился мне как коллега. Впрочем, в качестве мужа я бы его не выбрала. Его звали Кларк Шипли, но по неизвестным причинам его заставляли поменять имя, а ему это не нравилось. В то время я начала получать собственные фильмы и поэтому могла оказывать большее влияние на политику студии.

Он всегда просил меня убедить их позволить ему сохранить собственное имя.

– Ну и что случилось дальше? – спросил я нетерпеливо.

– Он сохранил свое имя, но я расторгла наш брак вечером в день нашей свадьбы.

– Почему?

– Он любил другую женщину, костюмершу со студии, и, похоже, наш брак создавал, по меньшей мере, проблему. Я могу быть кем угодно, но я не краду мужчин, особенно в тех случаях, когда у меня нет чувств к ним. Так что я расторгла брак и посоветовала ему сохранить свое имя, покончить с этим делом и вернуться к любимой. Я даже написала ей письмо, объяснив, что все это было ошибкой, что мы никогда даже не целовались. Она приняла его назад с распростертыми объятиями.

Я сказал что-то малозначительное и спросил:

– А номером три был Чарли Деуитэкер, король миндаля? Что случилось с ним?

Ее лицо стало серьезным, она взяла свою рюмку и, прижав ее к щеке, прикрыла глаза, и сказала:

– Очень злой и жестокий человек, Джорджи. Я думала, что, наконец, выхожу замуж по любви – ну если не из любви к нему, то, по крайней мере, к его деньгам. Но это было большой ошибкой, и он был не таким человеком, как я думала. Этот брак длился год, и этот год показался мне очень длинным. С тех пор я ненавижу миндаль и больше не соби-

раюсь замуж, Джорджи. Я сойду в могилу старой девой.

Она сказала мне, каким он был человеком, но не раскрыла деталей, и хотя я чувствовал, что могу показаться слишком навязчивым, все-таки не мог не спросить:

– Мэл, почему ты говоришь…?

Она широко раскрыла глаза и, глядя мне прямо в лицо, прервала меня и в свою очередь спросила:

– Почему, в конце концов, ты уехал из Канзаса?

Она знала, что я не буду отвечать – пока не буду, и я понял, что она не хотела отвечать на тот вопрос, который я собирался ей задать, и почему она спросила меня в такой манере. Я чувствовал, что на этой стадии наших отношений еще слишком рано было раскрывать секреты такой значимости.

Я поднял свою рюмку, мы чокнулись, и я произнес тост:

– Выпьем за слухи и сплетни, Мэл!

*****

После ужина мы поехали на восток и нашли небольшой парк, где Мэл съехала с дороги и, включив радио, вращала шкалу настройки, пока мы не услышали какую-то спокойную музыку, которая ей нравилась. Мы опустили стекла, чтобы впустить в салон прохладный бриз, и она придвинулась ко мне, как бы ища тепла. Я положил руку на ее узкие плечи и почувствовал, как ее крепкое тело прижалось к моему. От этого прикосновения боль в моем бедре отдавала в ногу, но, похоже, Мэл уже забыла о том, что произошло вчера. Она

подняла лицо навстречу мне; ее глаза были прозрачны. Губами я дотронулся до ее лба, а потом до макушки, и почувствовал, как исходящее от нее тепло и запах духов в волосах заполняют мое дыхание. Мне хотелось закрыть глаза, но я подумал, что, если сделаю это, то просто упущу шанс поцеловать ее, и, когда она откинула назад голову, чтобы сказать что-то, я дотронулся губами до ее губ. Что я ощущал, целуя звезду кино Имельду Лондон? Этот поцелуй напоминал лепестки розы на губах, мягкость бархата, привкус шампанского, который все еще оставался на ее подбородке. Она приняла мой поцелуй и ответила на него, но потом отклонила голову и воскликнула:

– Джорджи, я пьяна в стельку. Как ты думаешь, ты сможешь довезти нас домой?

Я задержался с ответом, поскольку не был уверен в последствиях ее предложения, но, стараясь не испортить момент, ответил насколько мог честно:

– Никогда раньше я не водил машину и не уверен, что знаю как…

Она прижала руку к моей груди и, приблизив свое лицо к моему, сказала:

– Не будь таким девственником, это так просто, что с этим справится даже обезьяна. – Она повернула голову и указала вперед, сказав: – Нужно нажать вот на ту штуку, сдвинуть эту, потом повернуть то и нажать на это… В общем, ты разберешься, Джорджи.

Я не был уверен в том, что в ее словах не содержалась некая двусмысленность, но с практической точки зрения вождение автомобиля не казалось мне слишком отличным от того, как я управлял трактором на ферме: просто все эти рычаги и педали располагались немного по-другому. Я приподнял ее, и, перенеся над своими коленями, усадил на пассажирское кресло, но она, повернувшись ко мне, воскликнула:

– Боже мой! Мы забыли о твоих вещах!

– С этим все в порядке. Я могу взять их в другой раз.

Она немного невнятно сказала:

– Я могу купить тебе все, что надо. Ты просто можешь все бросить.

Мне не понравились ее слова, поскольку в какой-то степени они могли проявлять нежелательный для меня характер мотивации ее дружбы со мной, и я тут же отрезал:

– Мне не нужны твои деньги!

Слегка выпятив от обиды свою роскошную нижнюю губу, она ответила:

– Я не хотела тебя обидеть, Джорджи. Я знаю, что тебе не нужны мои деньги. Это не то, о чем ты вообще подумал. Я просто хотела сказать…

Я похлопал ее по колену и сказал:

– Хорошо Мел, я понимаю…

Но поднеся руку к лицу, она сказала:

– Ну вот, я все испортила…

– Ты ничего не испортила, Мэл. Просто я неправильно тебя понял.

Прежде чем выехать на улицу, я сделал несколько пробных кругов возле парка. Следуя путаным и не всегда точным инструкциям Мэл, я благополучно доехал до ее особняка, открыл ворота и подъехал к гаражу так же, как она сделала накануне. Я вышел из машины, стараясь не беспокоить мистера Пэмбли, тихонько прикрыл дверь машины со своей стороны, и, обойдя вокруг, открыл дверь Мэл и помог ей выбраться. Она тут же воскликнула:

– Мне жарко Джорджи, я хочу плавать.

– В это время?

– Мы можем плавать в любое время, когда захотим; это мой чертов бассейн и мой чертов дом.

Нетвердой походкой она побрела по дорожке вглубь участка и, когда добралась до кромки бассейна, сбросила туфли и с громким всплеском рухнула в воду. Я снял туфли и носки и последовал за ней туда, где она лежала на спине, глядя на звезды. Я поднырнул под нее, а она, обняв меня за шею, стала целовать более агрессивно, чем в машине, так что я даже начал задыхаться. Я дотронулся до ее мокрых волос, которые, казалось, стали в два раза длиннее, и прежде, чем заговорить, она, лежа на мне, почти полностью приподнялась из воды.

– Давай завтра останемся дома, – предложила она.

Я помедлил с ответом:

– Не могу, Мэл. Мне нужно работать.

– И мне тоже. Но жизнь будет продолжаться и без нас, Джорджи.

– Не могу, Мэл.

Она положила голову мне на плечо, и, несмотря на свое состояние, понимая мое затруднительное положение, и, возможно, учитывая собственную ситуацию, сказала:

– У меня завтра посещение больницы… Голова с утра будет раскалываться. Не надо было мне пить ни капли. Почему ты мне разрешил, Джорджи? Это ты во всем виноват!

Я рассмеялся и ответил:

– Я не вправе говорить тебе, что делать или не делать, Мэл. Это точно.

Но она пожаловалась:

– Тогда тебе придется тебе пойти со мной. Мне нужна твердая рука. – Она снова поцеловала меня и попросила: – А сейчас отнеси меня домой и уложи в постель.

Я вытащил ее из воды и понес на руках к дому. По пути я, наклонившись, позволил ей поднять свои туфли. Она была легкой, как перышко, и я думаю, что в ту ночь я мог бы перенести ее даже через пустыню. Когда мы дошли до входа в дом с обратной стороны, я повернул ручку, открыл дверь и поставил Мэл на пол.

– Я мокрый. Не хочу, оставлять скользкую дорожку на твоих мраморных полах.

– Завтра нам достанется от мистера Пэмбли, – согласи-

лась она.

Мы оба решили, что этот вечер для нас обоих должен закончиться именно так.

– Да, – согласился я, но добавил: – Я не смогу пойти с тобой завтра в больницу, Мэл. Я должен работать весь день и…

– С этим разберемся завтра, – прервала она меня. А потом, стоя на кончиках пальцев, прижалась ко мне в своем пропитанном водой платье, быстро поцеловала и прежде, чем скрыться в доме, сказала: – Сегодня тебе лучше запереть свою дверь, Джорджи. А то вдруг мне захочется потренироваться ходить во сне.

ГЛАВА 3

Завтрак был накрыт на вымощенном кирпичом патио сразу за домом, как раз между домом и бассейном. Я заметил, что Мэл встала рано и уже сидела за столом в своих темных очках и с шарфом, плотно обтягивавшим ее прическу. Выйдя из флигеля у бассейна, я подошел к столу, но когда ножки стула, который я вытаскивал для себя, слегка скребнули по кирпичу, заметил, как ее покорежило от этого звука.

– Не нравится? – улыбнулся я. Слегка кивнув, она хмыкнула.

На ней было шелковое платье нежно-голубого цвета, который красиво сочетался с ее кремовой кожей. Подрагивавшей рукой она дотянулась и подняла стакан с апельсиновым соком, в котором задребезжал кусочек льда – возможно, намеренно. Пэмбли выскочил из портика с бутылкой какой-то прозрачной маслянистой жидкости, которой он наполнил ее стакан до краев. Он поднял крышку с моей тарелки, в которой оказалась яичница с беконом. Но я заметил, что Мэл в лучшем случае съела лишь небольшой кусочек тоста.

– Сколько джина ты выпила перед ужином вчера вечером? – спросил я.

– Достаточно, – она фыркнула.

Пэмбли быстро покинул сцену, желая насколько это возможно оставаться незаметным. Я подозревал, что подобные

утренние сцены повторялись много раз, поэтому спросил ее:

– Он всегда угощает тебя такими напитками на завтрак?

Сдавленным монотонным голосом она ответила:

– Я тебе уже говорила, Джорджи, что Пэмбли на нашей стороне. – Она приложила руку ко лбу и продолжила: – Мне нужно уйти пораньше. Нужно кое-что сделать до больницы, и, забыла… сделать что-то еще. – Мэл замолчала, выпила еще один глоток своего напитка и высунула язык. Сейчас ее лицо выглядело серовато-зеленым. Она сделала несколько глубоких вдохов и проглотила еще один кусочек тоста, прежде чем продолжила: – Черт, я же знаю, что нужно сделать что-то еще…

Так она сидела целую минуту, держа руку на губах и размышляя, а потом, когда вспомнила, подняла голову:

– Сегодня можешь взять машину. За мной по пути на студию заедет подруга. Не забудь заехать к себе на квартиру и забрать вещи. Извини за то, что забыла подвезти тебя туда вчера вечером, но…

– Это неважно. У меня всего несколько вещей, которые стоит забрать. Но мне нужно рассчитаться с миссис Кастелло, хотя…

– Джорджи, – прервала она меня и, глядя себе через плечо, чтобы убедиться в том, что Пэмбли не вернется прежде, чем она успеет договорить, тихо добавила: – Сегодня вечером тебе нужно перебраться в дом. Там много места. Ко мне приезжают друзья. Они не из кино. И, как бы это лучше ска-

зать, займут бассейн…

– Если я мешаю, то могу просто остаться в пансионе…

– Нет, Джорджи. Я хочу, чтобы ты был здесь, со мной. Мои друзья сами могут найти место, где приземлиться. Они могут устроить какой-нибудь дебош, и кое-кто из них может навести здесь беспорядок и все такое… В общем, они могут устроиться, где захотят.

Я посмотрел на частично установленные тенты на лужайке, но она перехватила мой взгляд, и пояснила:

– Нет-нет, ничего настолько грандиозного. Просто обычная встреча с друзьями. Они останутся на неделю или около этого, а затем исчезнут, как цыгане. Так что на самом деле это быстро забудется. А здесь идет подготовка к моему ежегодному благотворительному вечеру. В ближайшее время здесь будут установлены тенты. Один из них порван. Его должен починить человек, который на неделю уехал в Сан-Диего, так что…

Тут появился Пэмбли, который сообщил:

– Мисс Лондон, за вами приехали – машина перед домом. Пригласить зайти?

Мэл быстро встала, осторожно обошла вокруг стола и, на мгновение остановившись, посмотрела в мою сторону:

– Увидимся, Джорджи?

– Конечно, Мэл.

Она поспешила уйти, стуча каблучками по кирпичу. Мы с Пэмбли стояли, наблюдая, как она уходит, и ожидая, когда

стук ее каблучков удалится за дом и сменится хлопком двери автомобиля. Я заметил на столе сумочку и потянулся, чтобы взять ее и догнать Мэл, но Пэмбли сказал:

– Она уже уехала, мастер Уэст. После завтрака я первым делом позабочусь о том, чтобы она получила ее на студии.

Я кивнул и снова сел, но, посмотрев на часы, одним глотком выпил свой апельсиновый сок и сказал:

– Мне тоже нужно двигаться. По пути нужно заехать в пансион за вещами.

– Тогда вы останетесь здесь? – спросил Пэмбли нейтральным тоном, так что я не смог различить понравилась или нет ему эта идея.

– Да, конечно, по приглашению Мэл.

– По-другому не может и быть, мастер Уэст, – он улыбнулся и спросил: – Вы останетесь в доме или во флигеле у бассейна?

Я не был уверен, что мне следует отвечать без Мэл, потому что она, казалось, скрывала это, но у меня было ощущение, что он уже знал, так что я ответил:

– Да, в доме.

– Очень хорошо, – воскликнул он, – к вечеру я приготовлю для вас комнату.

– А ее друзья, – начал я, – когда, вы думаете, они приедут?

Он перестал убирать со стола и странно посмотрел на меня, а потом переспросил:

– Ее друзья?

В тот момент мне пришло в голову, что это и была та часть нашей беседы, которую, как она надеялась, Пэмбли не услышит. Она, наверное, уже сказала ему, что я могу остаться в доме, и он просто не был уверен, что я принял ее приглашение. Но теперь, похоже, я открыл сундук Пандоры.

Я пытался успокоить его и быстро сказал:

– Она просто упомянула о приезде каких-то друзей – не тех, что с киностудии…

Он с сердитым видом ставил посуду на поднос и ворчал себе под нос:

– Эта шайка бомжей… – потом, сообразив, что я слышал его слова, сделал большие глаза и начал оправдываться: – Простите меня, мастер Уэст, я не хотел…

– Так вам не нравятся эти друзья? – я хихикнул.

Он взорвался:

– Друзья?! Вряд ли я назвал бы этот сброд друзьями, мастер Уэст, и постарался бы поскорее сделать так, чтобы не видеть их никогда. Она знает, что я думаю о них, вот почему пока ничего мне не сказала. Она хотела сделать так, чтобы это стало неожиданностью для меня, и делала вид, будто не знала, что они собираются приехать.

– Но прием не для этих друзей, – пояснил я.

Он скосил глаза и ответил:

– Конечно, нет. Но это не означает, что до этого они не устроят здесь настоящий бардак.

– А кто эти друзья? – спросил я. – Откуда они? Что ее

связывает с ними?

Но получалось так, что я просил его выдать свою хозяйку. Он просто посмотрел на меня и, прежде, чем унести поднос, ответил:

– Когда они приедут, вы сможете составить о них собственное мнение.

Я пошел в гараж, где все уже было открыто и готово к моему выезду. Я видел, что на подъездной дорожке стоит какая-то машина, и группа женщин выгружает из нее швабры, тряпки и все, что нужно для уборки. Выезжая по дорожке, я несколько раз громко просигналил, прося их подвинуться, чтобы не наехать на их принадлежности. Они посмотрели на меня и помахали руками в ответ, но в заднее зеркало я увидел, что они укоризненно качают головами, реагируя на мои настойчивые сигналы. Останавливаться и извиняться было слишком поздно, и мне еще нужно было заскочить в пансион.

Миссис Кастелло проявила понимание и даже пригласила меня заезжать и перекусывать «за счет заведения» каждый раз, когда я буду поблизости. Какое-то время назад она пыталась свести меня со своей внучкой, которая при мне дважды побывала у нее. Несмотря на то, что она была весьма привлекательной молодой особой, ей, по моему мнению, в определенной степени не хватало независимости духа, которая мне нравилась. Кажется, и я показался ей совершеннейшим занудой, который больше подходит ее бабушке, чем ей самой.

Миссис Кастелло дала мне кусок пирога с персиковой начинкой, который испекла к обеду, и с поцелуем в щеку проводила в путь.

Приехав на студию, я обнаружил, что назначен к своему заклятому врагу, «лягателю» лошадей, мистеру Себастьяну Бенуа, который настаивал на том, чтобы его называли «месье Бенуа». Когда я вошел в репетиционную комнату, он сидел в углу и холил свои усы, смотрясь в маленькое круглое зеркало с серебряной ручкой. Поскольку я приблизился к нему сзади, сначала он увидел мое отражение, совпавшее с его светлым ликом, и спросил:

– Скажите на милость, что я могу для вас сделать?

– Я ваш помощник по сценарию.

Он картинно бросил зеркало на колени и заголосил:

– Вы?! Это, наверное, шутка. А где Мэри Энн? Сегодня мне нужна Мэри Энн; без нее я не чувствую роль.

– Она продвинута на другую картину, – сообщил я. – Мистер Хирд поручил мне заменить ее.

– Что вы имеете в виду под словом «продвинута»? – развернувшись на своем стуле, он изобразил ужас от такого оскорбления. Бенуа разглядывал мое лицо, но я был уверен, что он не помнит, что это именно я готовил его лошадь. Тогда я всегда был в кепке и униформе или в наряде, соответствовавшем снимавшей сцене, батальной или другой. В любом случае, мое лицо он не рассматривал. Но то, как он изучал мои черты сейчас, обеспокоило меня. Возможно, он по-

дозревал, что мог знать, кто я. Я наблюдал, взглянет ли он на свои сапоги, но этого он не сделал и просто закручивал свои усы вверх, хотя визажисты настаивали на том, чтобы он перестал делать это перед съемками, потому что его лицо должно было соответствовать суровому духу Америки девятнадцатого века.

Он развернулся обратно на своем стуле, снова стал смотреться в зеркало и заявил:

– Не думаю, что вы вообще подходите для этого.

– Мистер Бенуа… – начал я.

– Месье Бенуа! – настаивал он.

– Месье Бенуа, я здесь с вашей ролью на сегодняшний день. Конечно, вы сами решаете работать со мной или нет, но у вас есть ровно один час, прежде чем вы выйдете на площадку…

Он снова бросил зеркальце на колени и, сделав глубокий вдох через ноздри, на мгновение прикрыл глаза, как будто для того, чтобы успокоиться, а потом повернулся ко мне и сдался:

– Хорошо, молодой человек. В этот раз я буду повторять свои реплики с вами, но когда вернусь, то не хотел бы видеть вас здесь еще раз или я буду разговаривать об этом с самим мистером Брейвхартом.

Это было смехотворное заявление, и я чувствовал, что он считал, что оно сойдет ему с рук из-за моей молодости. Но чтобы успокоить его на некоторое время так же, как я де-

лал это раньше, когда готовил его лошадь, я ответил:

– О да, месье Бенуа, если бы мы могли просто начать отсюда, когда вы слезаете с лошади и идете к воротам, ведущим к плантации Мэри Эшфорд, где встречаете ее отца.

Он откашлялся и начал декламировать свои реплики. Он произносил их слово в слово, но его интонация и акцентирование были настолько ужасны, что мне с трудом удавалось сдерживать себя и не поправлять его. Я знал, что это не моя задача, и я нахожусь здесь просто для того, чтобы убедиться, что он знает свои слова, соответствующие диалогу и действию, поэтому делал только то, за что мне платили, и ничего больше. Но когда я разобрался в процессе, то начал понимать, что, если когда-нибудь захочу, кроме загрузки конского навоза в его сапоги, смогу воспользоваться такими способами насолить ему, что он об этом даже никогда не узнает. Например, намеренно ошибиться в строке или не поправить при пропуске слов. Через сорок минут после того, как мы начали репетировать, блиставшая красотой в свое время ведущая актриса Лиллиан Маргроув вошла в комнату в полном наряде благородной южанки и сказала:

– Себби, голубчик, осталось пятнадцать минут.

Он улыбнулся и кивнул ей в ответ. Но потом она посмотрела на меня и удивила нас обоих, сказав:

– Кстати, мистер Уэст, Имельда Лондон просила сообщить вам, что заберет вас ровно в одиннадцать часов от главных ворот. Мистер Хирд проинформирован, и с этого вре-

мени на оставшуюся часть дня вы освобождены от работы.

Когда я повернулся, чтобы посмотреть на Бенуа, он сидел с разинутым ртом и после того, как госпожа Маргроув вышла из комнаты, сказал мне сдавленным голосом:

– Как так получилось, что такой человек, как вы, знаком с Имельдой Лондон?

– Такой человек, как я?

– Ну да, помощник сценариста на побегушках, черт побери! – продолжал вопрошать он. – Вы что ее родственник, племянник или кто-то еще?

Я улыбнулся и просто ответил:

– Нет. А сейчас не хотели бы вы закончить со своей ролью?

Он сложил руки на груди и вновь спросил:

– Что у такого, как вы, может быть общего с такой, как она? Вы, конечно, слишком неопытны для оргий; вероятно, слишком робки для кокаина; слишком молоды, чтобы пить по-настоящему. Вы хоть водить машину умеете? Что еще такой мальчик, как вы, может делать с такой женщиной, как она?

Зло посмотрев на него, я ответил:

– Я вижу, с каким профессионализмом она выполняет свою работу, с каким умением и достоинством держится, вижу людей, которые, похоже, искренне тронуты ее добротой. Откуда вы все это взяли, месье Бенуа?

Он лишь рассмеялся и ответил:

– Тогда вы, должно быть, совсем не знаете ее, мистер Уэст. Хотя я, может быть, не вращаюсь в тех же кругах, что Имельда Лондон, но знаю достаточно много людей, которые действительно ее знают. И я могу сказать вам, что, по их мнению, она не такая святая, как вы, похоже, считаете. И я не просто пересказываю ту ерунду, которую печатают в колонках со сплетнями – я говорю о настоящей глубокой грязи.

Я встал, уронив стул, и собирался ударить его в заостренное лицо. «К черту последствия!» Но он откинулся на спинку стула, широко открыл рот, видя мой агрессивный настрой, и сказал:

– Успокойтесь, молодой человек. Я говорю вам это для вашего же блага, потому что видел много порядочных людей, испорченных ею. Видите ли, в жизни я знавал многих людей из разных слоев общества, и некоторые из них вообще не имеют ничего общего с этим мерзким бизнесом. И среди этих людей в реальном мире, ходит много разговоров о том, что собой представляет Имельда Лондон. Спросите ее, к примеру, о взаимоотношениях с ее третьим мужем, Чарльзом Деуитэкером. Эта история несколько опустит ее в ваших глазах и остудит ваше возвышенное…

Раздался резкий стук в дверь; Бенуа встал, опасливо прошмыгнул мимо меня и добавил:

– Надеюсь, в ближайшее время мы с вами не встретимся?

– Завтра обязательно здесь буду, – процедил я сквозь зубы, все еще желая ему врезать. Но он не дал мне воплотить

эту идею в жизнь, поскольку быстро исчез.

Я принял свое следующее задание, когда появился первый утренний состав актеров, но мне было трудно сосредоточиться на текстах, которые они произносили, поскольку мои мысли были поглощены сделанными Бенуа туманными намеками. Все-таки мне пришлось напомнить себе, что это беспощадный бизнес, насквозь пропитанный завистью, и что я уже достаточно взрослый человек, чтобы составлять собственное мнение о людях. Все, что я узнал о Мэл до сих пор, говорило мне о том, что она порядочный и добрый человек, а не полная самомнения эгоистка, как считают здесь многие и сам Бенуа – человек, издевающийся над безобидными животными, оказавшимися под его сапогом. «Как можно ему верить?» Я знал, что Мэл была полна самоуничижительного смирения, почти отвращения к тому, кем она стала, и готова была первой посмеяться над собой всякий раз, когда появлялась такая возможность. Она была молода, но мудра, и, возможно, когда-то была непослушной и недисциплинированной, но за короткое время нашего знакомства я не увидел никаких доказательств этому. И все же его слова врезались мне в сознание и ударили по нервам достаточно сильно для того, чтобы убедить меня, что было бы невредно остудить свой пыл.

Мои сомнения длились недолго, ибо ровно в одиннадцать я стоял у ворот и с нетерпением ждал ее. А она приехала в том же самом потрясающем голубом платье в комплекте

с загадочным шарфом и солнцезащитными очками, в котором я видел ее утром. Но ее кожа выглядела омоложенной, и улыбка сияла как всегда. Она подъехала в сверкающем новом авто без верха, которого раньше я не видел в ее гараже, и сказала:

– Не стесняйся, Джорджи. Я только что его купила. Залезай, и, если будешь вести себя хорошо, я даже дам тебе порулить.

Я влез в машину и слегка подпрыгнул на сидении, а она, глядя на меня, сказала:

– Извини, что утром я была такой тоскливой, но это было совершенно неизбежно. Надеюсь, у тебя все в порядке, и ты не возражаешь, что я оторвала тебя от работы?

– Возражаю, – ответил я саркастическим тоном. – Ты оторвала меня от месье Бенуа – новой любви моей жизни.

– Кто это? – поинтересовалась она, переключив внимание на поток машин, поскольку выезжала на дорогу.

– Себастьян Бенуа, знаешь ли, мой ведущий. Тот, кому я клал навоз в сапоги за издевательство над бедной, но прекрасной лошадью.

Она прикрыла нос и рассмеялась:

– О да, теперь я вспоминаю Бенуа, этого старого вонючего пустозвона. – Она снова рассмеялась, но отбросила мысль о нем так же беспечно, как можно было бы прихлопнуть комара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.